

DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.063

УДК 821.161.1:325.2 Болдырев-Шкотт +
+ 82.091**В. М. Димитриев***ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

ПОВЕСТЬ ИВАНА БОЛДЫРЕВА «МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ»: К ОСОБЕННОСТЯМ ПОЭТИКИ

В статье предложен анализ поэтики повести малоизвестного эмигрантского писателя Ивана Андреевича Болдырева (настоящая фамилия — Шкотт) «Мальчики и девочки» (1929). Внимание сосредоточено на технике включения образов прошлого в художественный текст и сюжете взросления. В основе анализа повести децентрированная сюжетно-композиционная структура, организованная смена точек зрения, стилистическая неоднородность, задаваемая автором обратная перспектива (взгляд из эмигрантского настоящего в советское прошлое). Композиционное фрагментирование лишает повествование определяющего центрального действия. Прерывистость, затрудненность речи, кинематографическая дискретность с чередованием планов, повторами и флешбэками, принципиальная установка на нецельность составляют в повести художественный эквивалент катастрофической истории пореволюционных лет Советской России. В повести создается портрет подростка, который, с одной стороны, фиксирует читательское внимание на вневременном характере юности, с другой стороны, отражает переломное время после революции, для которого сознание подростка оказывается как бы лакмусовой бумажкой. Эти особенности позволяют рассмотреть историю о первом поколении детей советской трудовой школы как прелюдию будущей трагедии «эмигрантских сыновей», представителей «русского Монпарнаса», переживающих глубокий разрыв исторического наследования и чувствующих необходимость зафиксировать последствия этого разрыва.

Ключевые слова: Иван Андреевич Болдырев-Шкотт; русское зарубежье; «эмигрантские сыновья»; советская школа; экспериментальная проза; временная организация повествования.

Эмигрантский писатель Иван Андреевич Шкотт (1903, Москва — 1933, Париж), известный под псевдонимом Болдырев, остался в памяти русской диаспоры как автор повести «Мальчики и девочки» (1929). В повести, которая, по отзывам критиков, носила «характер почти дневников-воспоминаний» [Зензинов, с. 526], Болдырев представил историю одного учебного года в единой советской трудовой школе в Москве в 1918–1919 гг. Повседневная жизнь бывших гимназистов, мальчиков и девочек, объединенных в общий класс по новым стандартам, а также жизнь педагогов, только начинающих осваиваться в пространстве нового политического строя, в повести сопровождаются зарисовками пореволюционной Москвы.

Отрывки из повести в 1928 г. появлялись в журнале «Воля России» М. Слонима, в чьей литературной группе «Кочевье» Болдырев принимал участие.

В 1929 г. повесть была отобрана М. А. Осоргиным для публикации отдельной книгой в рамках издательского проекта «Новые писатели», направленного на поиск новых молодых талантливых имен (в рамках проекта вышла еще только повесть В. Яновского «Колесо» в 1930 г.). Однако творческая судьба Болдырева не сложилась. Ученик и во многом стилистический последователь А. Ремизова, он был очень щепетилен и требователен к себе, и, как известно по воспоминаниям, уничтожал свои рукописи или не допускал к печати [Осоргин; Ремизов]. Кроме того, тяжелая жизнь в Париже, необходимость совмещать работу на заводе, в железнодорожном депо с литературной деятельностью, нищета, а впоследствии — прогрессирующая неизлечимая глухота отрезают ему пути к сколько-нибудь сносной жизни и доводят его до самоубийства в возрасте 29 лет (передозировка вероналом в ночь с 14 на 15 мая 1933 г.).

Немногие сохранившиеся сведения о нем позволяют сказать, что и до эмиграции его жизнь была наполнена сложностями: как пишет про него З. Шаховская, «молодые русские писатели и поэты попали на Монпарнас из самых разных углов России, но ни один из них не успел — в тридцатых годах — узнать тяжесть советской ссылки» [Шаховская, с. 156]. Окончание советской трудовой школы (бывшей гимназии), учеба на физико-математическом факультете МГУ, участие в академическом кружке, направленном против политизации науки, арест за антисоветскую деятельность, ссылка в Нарымский край, бегство и пересечение советско-польской границы — вот краткая биография Болдырева до момента, когда он оказался в Париже¹.

Известие о его самоубийстве в напряженно-экзистенциальной атмосфере русского зарубежья вызывает, вероятно, больший резонанс, чем его проза: оно резче и четче обозначает судьбу поколения «эмигрантских сыновей» — нищету, существование на краю гибели, невозможность писать. Лидия Червинская в смерти Болдырева видела сгущенный образ общей судьбы, отчего обострилось, считает она, «смутное сознание какой-то общей, непонятной, невольной вины... Так близко рядом и никто не знал» [Червинская, 1933, с. 232]. «Такая смерть — считает она, — вызывает чувство не жалости, а сожаления, смешанного с невольным уважением к тому, что было “до”, к тому, что навсегда останется нераскрытым, непонятым (даже сочувствие до конца невозможно) — и все же какой-то тенью ложится на всех, кто узнал или узнает не о смерти Ивана Болдырева, а о тяжелой неразделенности нашей общей судьбы» [Там же, с. 233]. Болдырев так и остался для редких знавших и читавших его представителей русской диаспоры «подающим надежды» прозаиком, и его самоубийство как бы мумифицировало эту надежду, обращенную к никогда уже не возможному будущему², потому он так и остался «незамеченным», не в пример другим

¹ О биографии Болдырева-Шкотта известно очень мало, мемуарные заметки, некрологи и редкие упоминания о нем, по сути, дублируют одни и те же сведения, которые требуют дополнительной проверки, поскольку известны они только со слов самого Болдырева, например, в краткой автобиографии в письме З. А. Шаховской в связи с планируемой поездкой в Конго.

² См. о значимости самоубийства в литературном быте русской эмиграции: [Демидова, с. 123–135].

представителям поколения «эмигрантских сыновей», которых исследовательский интерес отвоевал у небытия (примером может служить двухтомник Юрия Фельзена, изданный Леонидом Ливаком).

Между тем, повесть И. Болдырева «Мальчики и девочки» представляет интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, основанная на личных воспоминаниях, повесть приобретает во многом статус хроникального документа эпохи, художественной рефлексии переломного 1918 г., представленной с точки зрения школьников. Г. Струве видел в повести «как бы параллель к советскому “Дневнику Кости Рябцева” Н. Огнева» [Струве, с. 208], а современные исследователи М. А. Литовская и Ю. В. Матвеева сопоставили повесть Болдырева с повестью Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД» на основании того, что оба произведения предлагают ответ на вопрос: «каким оно было — последнее досоветское и первое послереволюционное поколение молодежи, чье становление пришлось на время тектонического разлома всей русской жизни» [Литовская, Матвеева, с. 313]; таким образом, текст Болдырева, построенный по жанровым лекалам «школьных повестей», вместе с тем оказывался вызван к жизни кардинальными социальными сдвигами, которые могла засвидетельствовать изменяющаяся школа.

Начинаются «Мальчики и девочки» с преамбулы, вынесенной на отдельный лист и напечатанной курсивом посередине:

От века в век стоит камень белый в Москве: шаркали пудренные парики и камзолы, давшишнее-давнее, а на памяти — орел, золотые буквы: «Мужская классическая гимназия».

Орла сняли в 18-м; чистый ото всего, строгий в колоннах — камень белый.

На железных воротах нынче доска, вычернены молот и серп, вычернено: «Единая советская трудовая школа» [Болдырев, с. 7].

Резко обозначенная здесь перемена была переживанием самого И. Болдырева: тянущаяся от XVIII в. история классической гимназии в один год оказывается освобождена от признаков прошлого и включена в процесс построения новой истории («камень белый» представляет экран, на фоне незыблемости которого разыгрывается сцена исторических метаморфоз).

Название точно отражает возраст действующих героев и одновременно проблематику повести: история о юности, от лица юности, с минимальным проникновением сознания взрослого.

Однако, написанная уже в эмиграции, повесть не может восприниматься как аутентичный фактический материал пореволюционного времени, но прочитывается с ретроспективной позиции: *избыток видения* (М. Бахтин) как автора, так и читателя позволяет договорить то, что в повести затемнено, и достроить будущее бывших гимназистов. Об этой ретроспекции и свидетельствуют последние слова повести:

...несколько дней — запустеет школа: получают аттестаты, так, никудашные ку-сочки бумаги, одиночками пойдут по Москве, всем русским городам, по просторной

Руси, всей земле — великим и жалким человеческим походом, через человеческие мытарства и утехы — люди дела, денег, люди служения и любви; некоторые никогда не станут людьми, никакими, но всякий будет искать свое счастье, всякий по-своему [Болдырев, с. 173].

Герои И. Болдырева еще ничего не знают о ждущем их будущем, основу которого составляет исход во внешнюю и внутреннюю эмиграцию, сделки с совестью, приноравливание к новому порядку и/или аресты, расстрелы, ссылки. Посредством антитезы подчеркивается бессмысленность в новой России этих аттестатов, а градационное увеличение пространства похода (от Москвы до всей земли) намекает на судьбу нового (или извечного) «русского скитальца».

В. Зензинов, в целом отрицательно отнесшийся к «Мальчикам и девочкам», считал, что повесть И. Болдырева важна, поскольку включает сведения о людях, кому надлежит «творить ту жизнь, которая определит судьбы нашей родины в ближайшие десятилетия» [Зензинов, с. 526].

«Мальчикам и девочкам» Болдырева на момент действия 16–17 лет, следовательно, они родились в 1902–1903 гг., что в той или иной степени соответствует возрасту Г. Газданова (1903 г. р.), Б. Поплавского (1903 г. р.), В. Варшавского (1906 г. р.), самого И. Болдырева (1903 г. р.), представителей так называемого «незамеченного поколения»³, русских монпарнасцев, кто, уехав из России, в эмиграции пережил глубокий кризис самоопределения, не найдя возможности диалога ни со старшим поколением, ни, зачастую, друг с другом. Несмотря на то, что повесть И. Болдырева концентрируется на советских, а не эмигрантских реалиях, современники, прежде всего молодые парижские авторы, обнаруживали уже в названии⁴ «Мальчики и девочки» подобие мостика, переброшенного в эмигрантское настоящее. Во многом этому способствовал окказиональный статус молодости, свойственный межвоенному периоду: оказавшиеся в изгнании представители молодого поколения замыкались в молодости, не просто по причине отсутствия возможного разрешения конфликта «отцов» и «детей», но и потому, что делали из нее броню, и потому мальчики и девочки Болдырева могли быть вариантом тех же застывших в молодости мальчиков и девочек эмиграции. Как пишет И. Каспэ, анализирующая специфику возрастной самоидентификации в эмиграции, молодость в 1920–1930 гг. принимает «скорее компенсаторные, чем адаптивные функции» [Каспэ, с. 89], т. е. становится невозможным переход

³ Термин «незамеченное поколение» ввел в обиход В. С. Варшавский в одноименной книге 1956 г. [Варшавский, 2010], попытавшийся посредством этого понятия подвести определенный итог межвоенному периоду русской эмиграции, особенное внимание уделив судьбе молодых эмигрантских писателей, чья жизнь и творчество прочитывались под знаком катастрофической ситуации метафизической безотцовщины. Дискуссионность данного термина мы оставляем за рамками статьи, предлагая читателю обратиться к современным источникам, предлагающим комплексный анализ поэтики представителей «незамеченного поколения» [Livak; Каспэ; Матвеева].

⁴ М. А. Литовская и Ю. В. Матвеева акцентируют внимание на неслучайном совпадении названия повести Болдырева и вышедшей в 1926 г. одноименной статьи З. Гиппиус, в которой выдвигалась проблема (невозможности) наследования послереволюционного поколения дореволюционному [Литовская, Матвеева, с. 313–314].

к зрелости, молодость «можно только продлить» [Каспэ, с. 89]. Отчасти потому складывается впечатление, что герои Болдырева не изменяются в течение рассказа, в отличие от прошедших «школу жизни» обитателей «Республики ШКИД» [Литовская, Матвеева, с. 318–319]. Кроме того, название отсылало к «русским мальчикам» Достоевского, чрезвычайно важному топосу молодой эмиграции, позволяющему назначить точку отсчета подлинного, достойного действия. Например, в описании одного из предвоенных собраний учрежденного И. С. Фондаминским-Бунаковым общества «Круг» в повести В. Варшавского «Ожидание» (1972) возможность самоидентификации с «русскими мальчиками» становится спасительной ниточкой, оправдывающей поколение:

После собрания остались только свои. Мы обступили Манушу: Ваня, Володя Руднев, Володя Ельников, Боголюбский, Александр Шушигин, Полянский. Я смотрел на них с любовью. Отделенные от России годами жизни на чужбине, они все-таки выросли хорошими русскими мальчиками, как те — Ивана Карамазова. Сколько мы говорили о справедливости и о Боге, и вот теперь они готовы отдать жизнь за эту справедливость [Варшавский, 1972, с. 63].

Взятая из заглавия повести И. Болдырева формула могла также служить паролем, виртуально объединяющим метрополию и «беженские столицы» (Ю. Фельзен): говоря о литературной молодежи, Ю. Фельзен выражает надежду: «Представляю себе, что так же где-то собираются и что-то обсуждают “мальчики и девочки” (и, конечно, люди постарше) в Москве, в Петербурге, в загадочной для нас и, вероятно, мрачной, вероятно, жалкой советской провинции» [Фельзен, с. 213].

Отнесенность проблематики повести как к советскому, так и к эмигрантскому времени обусловлена обратной авторской перспективой, обнажаемой лишь в редких фрагментах, в частности, в повествовательной рамке, приведенной выше. Обратная авторская перспектива устанавливается, как кажется, благодаря конкретным способам работы с прошлым и технике включения образов памяти в текст. На этом мне бы и хотелось сосредоточить свое внимание.

Прежде всего, попробуем кратко обрисовать сюжетно-композиционную структуру «Мальчиков и девочек». Повесть состоит из девяти глав, соответствующих девяти месяцам учебного года: начиная с сентябрьской «сумятицы» до предшествующей каникулам «маевки». Подчиненные логике хронологического развертывания, события повести никак не маркируются по линии центральности — периферийности, но поступательно предлагают взгляд на один учебный год школьной жизни в разных аспектах: отношения дружбы и любви, участие в организационных и административных мероприятиях, отношения с педагогами и т. п.

Первые дни в школе, привычная суэта и неразбериха, налаживание знакомств, формирование школьных иерархий и выделение в повести главных персонажей (первая глава «Сумятица», сентябрь) сменяются обсуждением в установившейся уже группке друзей проблематики романа «Преступление

и наказание» (вторая глава «Достоевский», октябрь). За второй главой следует вводная история: чтение несколькими мальчиками дневника одной из героинь повести Вали Лобазовой, иногда сопровождаемое комментариями читающих (третья глава «Дневник», ноябрь). Именно эта глава позволяет взглянуть на становление подросткового сознания изнутри. Намеченные в дневнике любовные линии ведут к следующей главе, где вновь от третьего лица повествуется о существующих школьных романах (четвертая глава «Роман», декабрь). Центр повести представлен небольшими зарисовками профессорской жизни, акцент в которых делается на меже, пролегшей между дореволюционной и пореволюционной жизнью учителей (пятая глава «Педагоги», январь). Заседание школьного совета, посвященное текущим делам, представляя, с одной стороны, бытовой факт из жизни школы, с другой стороны, несет в себе зерно будущего чиновничьего произвола, которому, не всегда вполне сознавая, уже готовятся присягнуть школьники (шестая глава «Продовольственники», февраль). В седьмой главе экспрессионистическое описание Москвы 1919 г. сопровождают диалоги школьников, пытающихся определиться с тем, что они будут делать после школы, как они относятся к большевизму, к Добровольческой армии, как понимают действие (седьмая глава «Диалоги», март), после чего нагрянувшая весна, высвободившая в юношестве ярость, активность, нервность, приводит к ссоре нескольких персонажей и картинному рыцарству, оцененному самими бывшими гимназистами как поступок в духе Джека Лондона (восьмая глава «Джек Лондон», апрель). Наконец, описание поездки школьников в Люблино на майские праздники, ни к чему не обязывающие беседы и новые любовные интриги на фоне вечного противопоставления природной и городской жизни неожиданно завершают повесть (девятая глава «Маевка», май).

Девять месяцев, соответствующие девяти главам, в повести могут быть символом нарождающейся, вынашиваемой будущности, имеющей все меньше связей с дореволюционным прошлым. Невозможно найти в повести какое-либо центральное определяющее событие: разлом времени атомизировал ценностную реальность взросления — дети в повести продолжают жить словно бы вневременной жизнью подростков, однако повествование о них И. Болдырев строит, намеренно выделяя, как кажется, лишь фрагментированные события-знаки, следы, оставляемые прошлой жизнью и прошлой литературой: разговоры «мальчиков и девочек» о слове и деле или о книге и жизни, сокрушенное признание себя «созерцателями» и «лишними», или настойчивая решимость вступить в Добровольческую армию, разговоры о «последних вопросах», картинные истории влюбленности, «серьезные» любовные письма — эта потенциальная тематическая и сюжетная основа здесь подвергается композиционному фрагментированию, иронически маркируется как юношеская наивность.

Этот разрыв усугубляется стилистикой повести: языковая реальность неоднородна и как бы разломана надвое: на язык повествователя и язык персонажей. Это, как показывает А. М. Грачева, демонстрирует восприимчивость И. Болдырева к «урокам» А. Ремизова, в результате чего повесть выстраивается

«на полифонии голосов героев (учеников, учителей и автора-повествователя). Макросюжет произведения формировался из случайного, на первый взгляд, переплетения отдельных сюжетов, изложенных разными обитателями школьного микрокосма» [Грачева, с. 183]. Организующим принципом является установка Болдырева на ритмико-стилистическое усложнение, ведущее к затруднению чтения. Многочисленные эллипсисы, ритмические повторы, синтаксические параллелизмы, окказиональное построение фраз, использование окказионализмов — множатся на протяжении повести.

Начальные дни в школе без затей: классы набиты битком, благоговейность [Болдырев, с. 9].

Охотников ахинею слушать — ничтожность: осточертела книжная ахинея [Там же, с. 13].

В первые дни кто пожелает, говори: начали безобразничать [Там же, с. 20].

Цельный день Давид шатался по городу, среди людей искал размыкать, распылить свое горе [Там же, с. 75].

В свою очередь, речь персонажей выдержана в нормализованных синтаксисе и лексике, хоть и изобилует современным времени действия сленгом. Об этом несоответствии писала Лидия Червинская, говоря, что язык, на котором общаются гимназисты, все еще как бы дореволюционный, но реалии (и, в том числе, язык описания «реалий», добавим мы) уже революционные [Червинская, 1930, с. 253].

Это маркированное противопоставление двух стилистик находит выражение и в жанровой неоднородности: наиболее насыщенные речью подростков главы «Достоевский», «Дневник» и «Диалоги» написаны на перекрестье нескольких жанров. «Достоевский» почти целиком выдержан в драматической форме. «Дневник» уже своим названием указывает на выбранную эгодокументальную форму. «Диалоги» являются сочетанием сгущенной ритмической прозы в духе А. Белого или А. Ремизова с подчеркнуто разговорным стилем подростковых диалогов. Жанровая усложненность повести, связанная с выбираемым преобладающим языком, также может быть прочитана как знак исторического (и историко-литературного) разлома, где слово уже не вполне способно угнездиться в какой-либо жанровой монолитности. Особое внимание следует обратить на третью главу «Дневник», по мнению критиков, наиболее удавшуюся Болдыреву. В этой главе трое «мальчиков», главных действующих лиц — Сережа, Вовка и Шурка — читают украденный чуть ранее у их одноклассницы Вали дневник, сопровождая чтение редкими комментариями. В «Дневнике» предпринята попытка обрисовать портрет подростка, который, с одной стороны, останавливает читательское внимание на вневременном характере юности⁵, с другой стороны, позволяет посредством устанавливаемого слога и тона отразить переломное время после революции, для которого сознание подростка оказывается как бы лакмусовой бумажкой.

⁵ П. Пильский считал это невысказанным выводом книги [Пильский, с. 6].

Дневник Вали охватывает время с 20 мая по 23 ноября 1918 г. Лейтмотивом дневника является поиск жизненного ориентира, который у героини оказывается выражен то в аскетической идее Аркадия Долгорукого из романа Достоевского «Подросток» [Болдырев, с. 37], то в идеале женщины в духе Джека Лондона [Там же, с. 42], то в открытии бессознательной дионисийско-русалочной сущности своего «я» [Там же, с. 43].

Первая запись от 20 мая начинается словами:

Только что просмотрела прошлый дневник: ужасно глупый. <...> Так и кажется: теперь пойдет по-другому <...> Все, все, все по-иному! Я хочу.

<...> А мой основной недостаток: больше о себе — и думаю о себе, и пишу. Я — эгоистка! К счастью, мне интересно и я не узкая.

Тоже о себе: «я не узкая!» [Там же, с. 33].

Для Вали, как и для многих ее сверстников, решающим вопросом оказывается вопрос «что есть жить и действовать»: «Мне хочется самой жить! А тут изволь чужое, — нелепость: человек жить должен, а он других книжки читает» [Там же, с. 34]. Однако для нее, и это подтверждает дневник, книги составляют весомую часть жизни, их восприятие обусловлено глубоко личным характером появляющихся у героини вопросов. В записи от 5 июня приведен перечень вопросов, который Валя составляет вместе с Катей, еще одной «девочкой» повести И. Болдырева, см. некоторые из них:

2. Почему, когда заглянешь в пропасть, хочется туда прыгнуть?

4. Нам кажется, что Бога нет, а гениальный Достоевский Бога видел: есть ли, наконец, Бог?

13. Прав ли Раскольников, убивши старуху? [Там же, с. 36].

Обсуждение последнего вопроса составляет предмет второй главы «Достоевский», разговор ведут шестеро главных персонажей — Сережа, Шурка, Вовка, Катя, Ала и Валя. Выбор И. Болдырева неслучаен: из сравнительного многообразия упоминаемых в повести писательских имен (Гюго, Толстой, Герберт Уэллс, Джек Лондон), именно Достоевский и проблематика его романа выведут подростков, в конце концов, к вопросу о современной им большевистской России. Валя считает, что из Раскольникова после «полезного» поступка «полился <...> нытик» [Там же, с. 25] и что «Раскольников — тряпка» [Там же, с. 26]. В то время как другой персонаж, Сережа, высказывается осторожнее, говоря, что «слабость» Раскольникова есть слабость живых людей, и что принять во внимание нужно причины его помешательства, связанные с нарушением гармонии между разумом, навыками и психологией. Но и он, когда разговор заходит о большевиках, которые, в отличие от Раскольникова, «не киснут в разговорах» и «имеют мужество не останавливаться» [Там же, с. 27], соглашается с мнением Вали и приравнивает образ Раскольникова к попрытавшемуся большинству. Шурка, Катя и Ала в разговоре о большевиках выражают несогласие. Важность этого спора вновь в *избытке видения* автора и читателя, согласно которому абстрактный,

казалось бы, разговор о «проклятых вопросах» приобретет в конкретно-исторической перспективе ужасающее (и ужаснувшее И. Болдырева) воплощение.

Главным героем повести является, тем не менее, язык, чью функцию можно уподобить свидетельству о времени. Поиск нового языка, который был бы способен выразить современность, вырождается в распадающийся, темный, вычурный язык в тексте Болдырева. Особенно выразительна глава «Диалоги», где индивидуализированная речь бывших гимназистов окружена гулом внеличной или, быть может, народной речи, проспективно готовящей детей к встрече с реальностью, пока ими не вполне замечаемой:

И они пошли по грязным московским улицам, не замечая нищенства города —
будто окатили Москву из помойного ведра,
из тысячи тысяч поганных ведерок плес-
нули на московские дома и улицы нечисть,
Москва в 19-ом году такая.
<...>
Улицы в Москве пустынные.
Народ ушел в мешочки —
воевать с заградительными отрядами, тарак-
тать в теплушках, на буферах, на поднож-
ках и крышах, на паровозном тендере в
обетованную, преобильную, крестьянскую зем-
лю — выменивать у крестьян свое барахло —
на муку, зерно, жиры.
<...>
Народ ушел в торговцы.
<...>
Народ ушел в очереди.
<...>
Москва в 19-ом году такая.
Впрочем, все живут,
<...>
«Все можно! — ненадолго.
«Никогда ничего похожего не было.
«мы не слышали,
«и деды не помнят,
«и в книгах не сказано:
«что-нибудь случится!
И кто из народа принимал революцию все-
рьез!?
«А и чего поделаешь, оно не жить как же?!
«Перемелется все и надо терпеть! [Болдырев, с. 116–118]⁶

Нарочитая прерывистость, затрудненность, косноязычность И. Болдырева, кинематографическая дискретность с чередованием планов, повторами

⁶ В приведенной цитате сохранена авторская графика.

и флешбэками, принципиальной установкой на нецельность, свойственные тексту автора, предпринявшего попытку сделать это стилистическим обрамлением наивных первых мыслей и жизненных шагов подростков, черпает свою суггестивность в невольно угадываемом соответствии этого косноязычия будущему Советской России.

Основывая свою повесть на личных воспоминаниях, И. Болдырев создает иллюзию не прошедшего, а настоящего времени, следуя правде восприятия, как это было «тогда». Оттого, с одной стороны, у него есть возможность посвятить повесть исследованию психологии юношества, за рамками корректирующего взрослого взгляда, с другой стороны, его ценностное невмешательство в текст позволяет уже читателю провести ту вторичную проспекцию, взяв в помощники, прежде всего, разлом, зафиксированный И. Болдыревым внутри языка, и увидеть, как прошлое толкает вперед настоящее⁷.

Прошлое «мальчиков и девочек» переходило в сферу *настоящего* «эмигрантских детей», таким образом, повесть могла служить местом их встречи, что стягивало внимание к импульсивности юности, интонационно схваченной И. Болдыревым в речи подростков, которая словно бы могла противиться хаосу межвоенных десятилетий.

Болдырев Ив. Мальчики и девочки : повесть. Париж ; Берлин : Новые писатели, 1929.

Варшавский В. С. Ожидание. Париж : YMCA-Press, 1972.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына : Рус. путь, 2010.

Грачева А. М. Забытое имя русского Зарубежья: Иван Болдырев (к истории парижской литературной школы Алексея Ремизова) // Эпические жанры в литературном процессе XVIII—XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения. 5—9 октября 2011 г. : в 2 т. / ред. Н. Л. Вершинина. Псков : ЛОГОС Плюс, 2011. Т. 2. С. 177—185.

Демидова О. Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. СПб. : Гиперион, 2003.

Зензинов В. Иван Болдырев. Мальчики и девочки — В. С. Яновский. Колесо. Издательство «Новые Писатели». Париж — Берлин. 1929—1930 // Совр. зап. 1930. № 42. С. 525—529.

Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М. : Новое лит. обозрение, 2005.

Литовская М. А., Матвеева Ю. В. Мальчики и девочки времен Республики ШКИД: о двух «школьных» повестях 1920-х годов // Семантическая поэтика русской литературы / ред. Н. В. Барковская и др. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. С. 313—322.

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземигрантов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008.

Осоргин М. А. Памяти Ив. Болдырева // Осоргин М. А. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. С. 258—263.

Пильский П. Рец. на «Мальчики и девочки» И. Болдырева // Сегодня. № 7. 1930. 7 января. С. 6.

⁷ Стоит, однако, помнить, что это была лишь первая «проба» Болдырева, который, по свидетельству М. Осоргина, уже понимал, что «Мальчики и девочки» — лишь начальный этап, который сам автор быстро перерос уже к моменту издания повести [Осоргин, с. 260], но о (возможных) следствиях этого «вырастания» мы сейчас можем только гадать.

- Ремизов А. М. Над могилой Болдырева-Шкотта. 1903—1933 // Ремизов А. М. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9 : Учитель музыки: Каторжная идиллия. М. : Рус. книга, 2002. С. 265—268.
- Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд. М. : Рус. путь ; Париж : YMCA-Press, 1996.
- Фельзен Ю. О литературной молодежи // Фельзен Ю. Собр. соч. : в 2 т. М. : Водолей, 2012. Т. 2. С. 212—214.
- Червинская Л. Иван Болдырев. Мальчики и девочки // Числа. 1930. № 2—3. С. 252—253.
- Червинская Л. Иван Болдырев // Числа. 1933. № 9. С. 232—233.
- Шаховская З. А. Иван Болдырев // Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М. : Книга, 1991. С. 156—158; 170—175.
- Livak L. How It Was Done in Paris. Russian émigré literature and French modernism. Madison (Wiss.) : Univ. of Wisconsin Press, 2003.

Статья поступила в редакцию 26.08.2016 г.

Димитриев Виктор Михайлович

аспирант

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

E-mail: ganthenbein@gmail.com

Dimitriev, Viktor Mikhailovich

Postgraduate Student

Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences

4, Makarov Embankment,

199034 Saint Petersburg, Russia

E-mail: ganthenbein@gmail.com

IVAN BOLDYREV'S STORY *BOYS AND GIRLS*: ON THE PECULIARITIES OF POETICS

The article analyses the poetics of émigré writer Ivan A. Boldyrev's (real last name Shkott) story *Boys and Girls*. The author focuses on the techniques of incorporating images of the past into a work of fiction, as well as the story of growing up. The analysis is based on a decentered plot and compositional structure, organised by switching points of view, stylistic heterogeneity, and an inverse perspective provided by the author (the view from the émigré present of the Soviet past). The fragmentation of the composition deprives the narration of a defining central action. Discontinuity, difficulty of speech, cinematographic discreteness with alternating perspectives, and intentional intermittence function as an artistic equivalent of the disastrous history of the post-revolutionary years of Soviet Russia.

The story creates a portrait of a teenager who draws the reader's attention to the timeless nature of youth and, on the other hand, reflects the crucial nature of the time after the revolution, where a teenager's consciousness is a kind of a touchstone. The analysis shows how the story of the first Soviet schoolchildren generation becomes a prelude to the future tragedy of "émigré sons", the writers of the "Russian Montparnasse", who experience a deep rupture of historic legacy and feel the need to reflect the consequences of this rupture in their artistic works.

Key words: Ivan Andreyevich Boldyrev-Shkott; Russian Abroad; "émigré sons"; Soviet school; experimental prose; temporal organization of narrative.

Boldyrev, Iv. (1929). *Mal'chiki i devochki. Povest'* [Boys and Girls. A Story]. Paris; Berlin: Novye pisateli. (In Russian)

- Chervinskaia, L. (1930). Iv. Boldyrev. Mal'chiki i devochki [Iv. Boldyrev. *Boys and Girls*]. *Chisla*, 2–3, 232–233. (In Russian)
- Chervinskaia, L. (1933). Iv. Boldyrev. *Chisla*, 9, 232–233. (In Russian)
- Fel'zen, Iu. (2012). O literaturnoi molodezhi [On Literary Youth]. In Iu. Fel'zen, *Sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 2, pp. 212–214). Moscow: Vodolei. (In Russian)
- Gracheva, A. M. (2011). Zabytoe imia russkogo zarubezhia: Ivan Boldyrev (k istorii parizhskoi literaturnoi shkoly Alekseia Remizova) [A Forgotten Name of the Russian Abroad: Ivan Boldyrev (on the History of the Parisian Literary School by Aleksei Remizov)]. In N. L. Vershinina (Ed.), *Epicheskie zhanry v literaturnom processe XVIII–XXI vekov: zabytoe i «vtorostепенное»*. VII Maiminskii chteniia. 5–9 oktiabria 2011 g. [Epic Genres in the Literary Process of the 18th–21th Centuries: The Forgotten and the “Secondary”. 7th Maimin Readings, 5–9 October 2011] (Vols. 1–2). (Vol. 2, pp. 177–185). Pskov: LOGOS Plus. (In Russian)
- Kaspe, I. (2005). *Iskusstvo otsutstvovat': Nezamechennoe pokolenie russkoi literatury* [Art of Absence: The Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Litovskaia, M. A., & Matveeva, Iu. V. (2008). *Mal'chiki i devochki vremen Respubliki SHKID: o dvuh shkol'nykh povest'akh 1920-h godov* [The Boys and Girls of the Republic of ShKID Time: On Two School Stories of the 1920s]. In N. V. Barkovskaya et al. (Eds.), *Semanticheskaia poetika russkoi literatury* [Semantic Poetics of Russian Literature] (pp. 313–322). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russian)
- Livak, L. (2003). *How It Was Done in Paris. Russian Émigré Literature and French Modernism*. Madison (Wiss.): Univ. of Wisconsin Press.
- Matveeva, Yu. V. (2008). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Self-consciousness of a Generation in the Works of the First Wave Émigré Writers]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)
- Osorgin, M. A. (1992). Pamiati Iv. Boldyreva [In Memory of Iv. Boldyrev]. In M. A. Osorgin, *Vospominaniia. Povest' o sestre* [Reminiscences. My Sister's Story] (pp. 258–263). Voronezh: Voronezh University Publ. (In Russian)
- Pil'skii, P. (1930, January 7). Retsenziia na «Mal'chiki i devochki» [A Review of *Boys and Girls*]. *Segodnia*, 7, pp. 6. (In Russian)
- Remizov, A. M. (2002). *Nad mogiloi Boldyreva-Shkotta. 1903–1933* [By the Grave of Boldyrev-Shkott. 1903–1933]. In A. M. Remizov, *Sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 9: *Uchitel' muzyki: Katorzhnaia idilliia* [Teacher of Music: Prison Idyll], pp. 265–268). Moscow: Russkaia kniga. (In Russian)
- Shahovskaia, Z. A. (1991). Iv. Boldurev. In Z. A. Shahovskaia, *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia* [In Search of Nabokov. Reflections] (pp. 156–158). Moscow: Kniga. (In Russian)
- Struve, G. P. (1996). *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile] (3rd ed.). Moscow: Russkii put'; Paris: YMCA-Press. (In Russian)
- Varshavskii, V. S. (1972). *Ozhidanie* [Anticipation]. Paris: YMCA-Press. (In Russian)
- Varshavskiy, V. S. (2010). *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna; Russkii put'. (In Russian)
- Zenzinov, V. (1930). Iv. Boldyrev. Mal'chiki i devochki — V. S. Yanovsky. *Koleso*. Izdatel'stvo “Novye pisateli”. Paris—Berlin. 1929–1930 [Iv. Boldyrev. *Boys and Girls* — V. S. Yanovsky. *The Wheel*. Izdatel'stvo «Novye pisateli». Paris—Berlin. 1929–1930]. *Sovremennye zapiski*, 42, 525–529. (In Russian)